

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР
Москва 1954

М. М. ДЬЯКОНОВ

СЛОЖЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА
В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

I

Вопрос о возникновении классового строя в земледельческих обществах Средней Азии представляет большой теоретический интерес.

Решение этого вопроса значительно облегчило бы нам понимание целого ряда сложных исторических процессов, протекавших в Средней Азии в древности, и дало бы ясное представление о ходе освоения долин больших рек земледельческими племенами и о времени создания ирригационных систем, игравших столь важную роль в истории Средней Азии.

В связи с этим стоит и другой, не менее важный, вопрос—о появлении первых государственных образований на территории Средней Азии.

В советской исторической науке эти вопросы затрагивались лишь мимоходом, в связи с общими проблемами социальной истории народов Средней Азии; детальная их разработка была невозможна из-за недостатка фактических данных. В настоящее время такие данные начинают понемногу собираться и можно уже поставить указанные вопросы, в надежде, что правильная их постановка поможет их разрешению в ближайшее время. Изучение раннего ирригационного земледелия в Хорезме (С. П. Толстов, Я. Г. Гулямов), в Бухарском оазисе (В. А. Шишкин), в Туркмении привело исследователей к тому убеждению, что начало ирригационного земледелия в долинах больших рек связано с установлением в обществах Средней Азии классового строя и появления начатков государственности. Исследователи единодушно относят эти события к середине первого тысячелетия до нашей эры¹.

Чрезвычайно важным для правильной постановки интересующих нас в данной связи вопросов является открытие в 1945—1947 гг. А. И. Тереножкиным на городище древнего Самарканда — Афрасиабе

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 45: «Время постройки этой сети может быть нами достаточно определенно датировано второй четвертью I тысячелетия до н. э.»; см. там же, стр. 32; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент, 1949, стр. 11—12; В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 42—43; История Туркменской ССР, т. I, проспект глав. Издательство ТФАН СССР. Ашхабад, 1951, стр. 10.

Существуют отдельные попытки отнести возникновение классового общества и государственности в юго-западной Средней Азии к гораздо более раннему времени, а именно к первой половине второго тысячелетия до нашей эры (А. А. Марущенко). См. историю Туркменской ССР, т. I, проспект глав (издание 2-е, исправленное и дополненное). Ашхабад, 1952, стр. 9.

археологической культуры, названной исследователем «Афрасиаб I» и относимой им к VI—IV вв. до н. э.¹ А. И. Тереножкин справедливо считает, что этот этап является древнейшим в жизни города, и тем самым присоединяется к указанной выше точке зрения о возникновении ирригационного земледелия в первой половине первого тысячелетия до н. э.

Большой заслугой А. И. Тереножкина является также установление связей открытой им археологической культуры Афрасиаб I с ранее известными, но не осознанными в достаточной мере, другими археологическими материалами. А. И. Тереножкин совершенно закономерно связывает этап Афрасиаб I с материалами, добытыми Б. Б. Пиотровским при раскопках на городище Гяур-кала в древнем Мерве (1937 г.), где они также являются древнейшими на городище², и с материалами раскопок Р. Гиршмана в Нади Али в Сеистане³.

Автор этих строк в течение нескольких лет (с 1946 г.) ведет археологические работы в Южном Таджикистане, на территории древней Бактрии, и, естественно, среди прочих вопросов, возникших перед ним и требовавших своего разрешения, важное место занимает вопрос о времени земледельческого освоения долин больших правых притоков Пянджа — Аму-Дарья и о характере культуры древнейших насельников этих долин.

В настоящей статье дается анализ результатов работ 1950—1952 гг. на городищах, расположенных в долине реки Кафирнигана.

II

Письменные источники дают нам очень скудный материал о жизни Бактрии в первой половине первого тысячелетия до н. э. Но некоторые данные все же имеются, и в свете археологических исследований в Северной Бактрии они приобретают большее значение, чем это казалось раньше.

Древнейшими сведениями о Бактрии в письменных источниках следует считать упоминание ее в клиновидных надписях Ахеменидов. Как известно, из древнеиранских памятников Бактрия упоминается еще и в Авесте. Но вопрос об Авесте гораздо более сложен. Это памятник неоднородный, складывавшийся в течение многих веков. Вопрос о ее локализации во времени и пространстве не может считаться окончательно решенным. Поэтому, несмотря на то, что, вероятно, некоторые места Авесты, могущие быть приуроченными к древнейшей истории Бактрии, старше клиновидных надписей Ахеменидов, следует все же при рассмотрении источников по истории и истории культуры древней Бактрии начинать с клинописных свидетельств, а не с данных Авесты.

Клиновидные надписи Ахеменидов упоминают Бактрию в четырех списках завоеванных стран⁴, рассказывают о восстании Фрады в Маргиане, входившей в те времена в состав Бактрии⁵, и сообщают о том, что

¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИМК, XXXIII, 1950, стр. 155; см. также: А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 127.

² Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 35—41. Этот материал был обнаружен и раскопками американской экспедиции Пампелли в 1904 г. См. R. P u m p e l l y. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, Washington, 1908, т. I, стр. 145.

³ R. G h i r s h m a n. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan, RAA, XIII, 1939, стр. 10—22.

⁴ Dar. Behist., I, 16; Dar. Pers. e., 16; Dar. NRa, 23; Xerx. Pers. b.

⁵ Dar. Behist., III, 13—14 и 21. Акад. В. В. Струве выдвинул точку зрения, согласно которой Маргиана была присоединена к Бактрии только в результате победы сатрапа Дадарши над маргианцами, в качестве награды этому полководцу. См. В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 26.

золото, пошедшее на отделку царского дворца в Сузах, поступало из Лидии и Бактрии¹. •

Из сведений, приводимых надписями Ахеменидов, явствует следующее:

1) Бактрия граничила с Ареей на западе и юго-западе, с Хорезмом — на северо-западе, с Согдом — на севере, с Арахосией — на юге и с Гандарой — на юго-востоке; 2) Маргиана не фигурирует в географических списках ахеменидских царей, т. к. входила в состав Бактрии.

Из древнеиранских письменных источников неясно, — простиралась ли Бактрия на север до Гиссарского хребта, или же, как это часто принято считать, Бактрией назывались лишь земли на левом берегу Аму-Дарьи. Это последнее мнение, до сих пор широко распространенное в науке, опирается, в основном, на свидетельство греческого писателя августовской поры — Страбона, который, сообщая о Согдиане, писал: «Она (Согдиана) лежит к востоку от Бактрианы, между Оксом, который отделяет Бактриану от Согдианы, и Яксартом, который является границей между согдийцами и кочевниками»². О том, что нельзя слепо доверять данным Страбона, говорит уже то обстоятельство, что этот писатель неясно представляет себе взаимное географическое положение Бактрии и Согды. Согд, разумеется, лежит не к востоку от Бактрии, а к северу и северо-западу. Еще В. Томашек высказал предположение, что Бактрия простиралась до Гиссарского хребта. Археологические работы последних лет полностью подтверждают это предположение. Раскопки М. Е. Массона в Термезе и его округе, работы Таджикской археологической экспедиции в Южном Таджикистане — с полной отчетливостью показали, что территории Южного Узбекистана и Южного Таджикистана, — бассейны притоков Аму-Дарьи — Сурхана, Кафирнигана, Вахша и мелких рек Кулябской долины, — исторически, несомненно, составляли одно целое с аму-дарьинским левобережьем.

Таким образом, явления из области материальной и духовной культуры, характерные в древности для правобережья Аму-Дарьи, в равной мере характерны и для ее левобережья. Вообще с тех пор, как исследователи вопросов исторической географии Средней Азии вышли из своих кабинетов в поле, они убедились, что реки никогда не являются границами областей. Реки объединяют. Разъединяют горы. Все области древней Средней Азии легко членятся по бассейнам рек. Так, Парфия — это бассейны верхнего Атрека и Гургена, Арея — долина Гери-руда — Теджена, Маргиана — долина Мургаба, Хорезм — бассейн нижней Аму-Дарьи, Бактрия — бассейн средней и верхней Аму-Дарьи (Пянджа), Согдиана — бассейны Зарафшана и Кашка-Дарьи.

Об общественном строе древней Бактрии судить по сохранившимся древнеиранским источникам очень трудно. Еще со времен Гейгера в качестве основного источника для суждения об общественном строе древних племен Средней Азии привлекалась Авеста³. В советской литературе этот материал был неоднократно привлекаем С. П. Толстовым для понимания общественного строя древнего Хорезма⁴. Однако пользоваться Авестой

¹ Dar. Sus. f. Некоторые дополнительные сведения по исторической географии Бактрии можно почерпнуть и из Авесты: Вендиад I и Яшт X, 14. О данных Авесты в целом см. ниже.

² Страбон, XI, 11, 2.

³ W. Geiger. *Ostiranische Kultur im Altertum*. Erlangen, 1882.

⁴ С. П. Толстов. Черты общественного строя Восточного Ирана и Средней Азии по Авесте. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. I—II. М.—Л., 1939 (Макет), стр. 185—188; его же. Древний Хорезм. М., 1948; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; «История народов Узбекистана», т. I. Ташкент, 1950, стр. 55 и след.

для этой цели нужно с большой осторожностью. Выше уже приводились причины, заставляющие нас быть столь осторожными с этим ценным источником. Данные младшей Авесты, относящиеся, повидимому, к позднепарфянскому времени, лишь с оговорками могут быть использованы для суждения об обществе древней Бактрии начала первого тысячелетия до н. э. Древние части Авесты, не только стихотворные гаты, но и некоторые прозаические разделы, рисуют, в общем, жизнь и быт оседлых пастухов и земледельцев, находящихся на грани образования классового общества, но еще полностью сохраняющих сложную систему родо-племенных отношений.

Если отнесение этих данных Авесты к Бактрии при нашем уровне знаний может быть признано возможным, то датировка этих частей Авесты до сих пор остается спорной и данные, извлеченные из них, не могут осветить археологический материал, а должны, скорее, сами быть проверены при помощи данных археологии. Достаточно сказать, что существует никем не опровергнутое мнение (в советской науке его придерживается такой видный знаток древнеиранских языков, как А. А. Фрейман), что древнейшие части Авесты (яшты) — современны основному костяку Ригведы и относятся, таким образом, к середине второго тысячелетия до нашей эры. Тогда эти части Авесты рисуют нам состояние общества более архаичное, чем существовавшее в передовых районах Средней Азии, в том числе и в Бактрии, в первой половине первого тысячелетия до нашей эры¹.

В этой связи особое значение приобретают сведения о восстании Фрады в Маргиане, имеющиеся в Бисутунской надписи. Они ценны для нас тем, что точно локализованы во времени и пространстве и относятся к конкретному историческому событию. Мы обязаны академику В. В. Струве подробным анализом этого известия².

Приведем полностью текст Бисутунской надписи, касающийся этого события:

«Говорит Дарий царь: Страна по имени Маргиана. Она стала мятежной³ по отношению ко мне. Некий человек по имени Фрада, маргианец. Его они вождем⁴ сделали. Потом я послал перса, по имени Дадарши, моего слугу, сатрапа в Бактрии.

Так я ему сказал: «Ступай, разбей войско⁵, которое себя моим не называет». Дадарши отправился с войском, сразился с маргианцами. Ахурамазда принес мне помощь. По воле Ахурамазды мое войско сильно разбило то мятежное войско. Битва с ними произошла 23 дня месяца ашиядия (10 декабря 522 г.)»⁶.

Вавилонская версия Бисутунской надписи прибавляет к этому: «Они (т. е. воины Дария) убили из них 552?3⁷ и взяли в плен живьем 6572»⁸.

При рассмотрении этого места Бисутунской надписи сразу же бросаются в глаза два важных обстоятельства: Фрада назван не царем, а

¹ Основным препятствием к использованию богатейших данных Авесты является отсутствие критического изучения и полного историко-лингвистического анализа текста. Недавно вышедшая работа Ф. Альтгейма, написанная с чуждых нам идеологических позиций, не может удовлетворить советского историка. Ниже мы вернемся к данным Авесты и рассмотрим их в связи с археологическим материалом.

² В. В. Струве. Ук. соч., стр. 9—34. Мы не будем здесь касаться вопросов о распространении зороастризма в Маргиане и об историчности самого Заратуштры, поднятых в этой статье В. В. Струве.

³ В подлиннике *hamiçiya*.

⁴ В подлиннике *maðišta*, букв. «набóльший».

⁵ В подлиннике *kāra* — народное войско, т. е. племенное ополчение, все боеспособное население.

⁶ *Dar. Behist.*, III, 13—14.

⁷ Цифра, означающая десятки, попорчена.

⁸ F. H. Weissbach. *Die Keilinschriften der Achämeniden*, Leipzig, 1911, стр. 45.

вождем — *mađišta*¹. Количество убитых мятежников (55 000) чрезвычайно велико.

Оба обстоятельства указывают на то, что восстание это было грандиозно по своему размаху и являлось движением народных масс. Труднее ответить на другой вопрос: было ли в Маргиане до Ахеменидов государственное образование, или же потому Фрада и был вождем, *mađišta*, а не царем, *xšāyađiya*, что маргианцы VI—V вв. не знали еще государственного устройства? Говорить об отсутствии государственности у маргианцев только на основании того, что в этой области вспыхнуло массовое, народное движение против Ахеменидов, — нет достаточных оснований, но тот факт, что восставшие выдвинули для руководства восстанием вождя, а не царя, как мятежники в других областях, свидетельствует, возможно, о том, что маргианцы еще не знали традиций царской власти.

Греческие источники в очень слабой степени освещают нам историю Бактрии ахеменидской и тем более доахеменидской поры. Бактрия была грекам известна плохо.

Наиболее ранним автором, сохранившим нам кое-какие сведения о Бактрии, был Геродот (V в. до н. э.). Однако следует помнить, что этот талантливый и добросовестный писатель сам никогда не был в глубинной Азии и вряд ли общался с кем-нибудь из греков, бывавших там, или же с каким-нибудь представителем среднеазиатских народов.

Геродот говорит о Бактрии, чаще о бактрийцах. Он обычно упоминает Бактрию мимоходом в связи с рассказом о каком-нибудь событии. В одном месте Геродот прямо указывает на значение, которое имели бактрийцы в азиатских делах. Рассказывая о событиях, последовавших за победой Кира над Крезом, Геродот сообщает: «На пути Кира лежал Вавилон, бактрийский народ (Ἔθνος), саки и египтяне...»²

Таким образом, наряду с важнейшими государствами Переднего Востока, препятствовавшими созданию Киrom большой державы, — Вавилоном и Египтом, названы, как серьезная политическая сила, бактрийский народ и саки.

Непосредственно о бактрийцах Геродот говорит крайне мало. Он описывает их вооружение и боевой порядок в связи с рассказом о войске Ксеркса³. В области материальной культуры бактрийцы были образцом для других народностей Средней Азии. Ближайшие соседи бактрийцев ареи, парфяне, хорасмии, согды, гандарии и дадики подражали бактрийцам в вооружении⁴.

Таким образом, о собственно Бактрии Геродот ничего не знает. Он слышал о Бактрии, как о далекой области Ахеменидского царства, куда персы насильственно переселяли враждебный им беспокойный элемент с запада⁵. Он знает о том, кто из Ахеменидов был правителем Бактрии, и о том, что бактрийский народ представляет серьезную военную силу⁶ и его легко поднять против ахеменидской власти⁷. Он знает о вооружении бактрийцев и близких им народностей, о том, кто командовал ими в войске Ксеркса⁸. О самой стране Геродот говорит один раз, перечисляя податные

¹ В надписи над фигурой Фрады, стоящей в ряду других мятежников в верхней части Бисутунского рельефа, вождь маргианцев назван царем *xšāyađiya*. Он был так назван, вероятно, по аналогии с титулатурой других мятежников, изображенных рядом с Фрадой.

² Геродот, I, 153.

³ Там же, VII, 64.

⁴ Там же, VII, 66.

⁵ Там же, IV, 204; VI, 9.

⁶ Там же, I, 153.

⁷ Там же, IX, 113.

⁸ Там же, VII, 64, 66, 86.

округа Ахеменидской державы¹, и то чрезвычайно скупо: «Подать от двенадцатого округа, в который входили земли от бактриев до эглов², определялась в 360 талантов».

Геродот отражает ту степень осведомленности греков о глубинной Азии, когда они, столкнувшись с Ахеменидской державой в борьбе за Эгейское море, узнали кое-что и о племенах и народах, входивших в этот «конгломерат племен и рас»³, но не имели еще непосредственного знакомства с этими народами и их странами.

Много сообщает о Бактрии младший современник Геродота — Ктесий из Книда. Его сочинения, как известно, до нас не дошли, и мы знаем о них лишь по пересказам и цитатам у более поздних авторов. В отличие от Геродота, Ктесий — малодостоверный писатель. Его рассказы о событиях в Азии полны непонятыми автором легендами и просто откровенными баснями. Но как бы критически мы ни относились к достоинствам Ктесия как историка, следует все же признать, что и он сообщает некоторые данные о древнейшей истории Бактрии, которыми мы не можем пренебрегать.

Сообщения о бактрийцах, как о многочисленном и воинственном народе, а о городе Бактрах, как о сильной крепости, — несомненно, перекликаются с теми скудными данными, которые мы могли почерпнуть у Геродота и других писателей классической поры⁴. Повидимому, среди греков было распространено мнение о могуществе, воинственности и силе бактрийцев⁵, мнение, шедшее, несомненно, из Ахеменидского государства и отражавшее в какой-то мере действительность.

Рассказывая о Нине — легендарном царе Ассирии и его мнимых походах на Бактрию, Ктесий говорит о мужественном сопротивлении, которое оказал «царь бактрийцев» Оксиарт⁶, о множестве городов в Бактрии, о том, что бактрийцы были побеждены лишь благодаря хитрости и личной отваге Семирамиды, — это и есть отражение легенд и эпических преданий, слышанных Ктесием в Персии, в бытность его придворным врачом Артаксеркса II.

Для нашей темы очень важно указание на наличие в Бактрии множества городов и описание укреплений Бактр, имевших цитадель, возвышавшуюся над городом, и стены, окружавшие самый город⁷.

Эти сообщения Ктесия заставили некоторых ученых говорить о существовании в доахеменидское время могущественного Бактрийского царства. У нас, в советской науке такой точки зрения придерживается и сейчас С. П. Толстов, считающий, что рабовладельческое государство раннего типа было не только в Бактрии, но и в Хорезме⁸.

¹ Геродот, III, 92.

² Эглы во всей античной литературе встречаются только один раз, в этом месте у Геродота (III, 92). Быть может, это те же аугасии, которых упоминает Птоломей (VI, 12, 4). Томашек считает, что аттасии, упомянутые у Страбона (XI, 8, 9), это те же аугасии, т. е. аугалы.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

⁴ Ктесий (у Диодора), кн. II, 2, 1—4; 5, 1—4 и т. д.).

⁵ О Бактрии упоминают трагики Эсхил (Персы, 306, 718, 732) и Еврипид (Вакханки, 13—17). По всей вероятности, о Бактрии упоминал и Гекатей Милетский.

⁶ Существует мнение, что царь бактрийцев у Ктесия назывался Зороастром, а Оксиартом его назвал уже Диодор. Ср. у Юстина: «...postremum illi (Nino) bellum cum Zoroastre, rege Bactrionorum, fuit». (Justin, I, 2).

⁷ Диодор, II, 6, 1.

⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, 1948, стр. 103. Вслед за С. П. Толстовым это утверждение повторялось многими авторами. Ср. К. В. Тревер — в «Истории народов Узбекистана», т. I. Ташкент, 1950, стр. 44; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, изд. 2-е, М., 1952, стр. 31—32. См. также упоминавшиеся выше проспекты глав «Истории Туркменской ССР», изд. 1 и 2-е.

Между прочим, С. П. Толстов, сравнивая открытые им в Хорезме «городища с жилыми стенами» с «варой», описанной в Авесте¹, полагал, что упоминаемые Диодором со слов Ктесия «укрепленные места» есть нечто иное, как такие «вары» или «городища с жилыми стенами»².

Конкретные сведения о древней Бактрии и соседних с нею областях греки получили только с походами Александра Македонского. Затем, вскоре, примерно с середины III в. до н. э., почти все непосредственные связи Восточного Средиземноморья со Средней Азией были прерваны. Редко-редко на запад проникали какие-нибудь новые сведения о Бактрии (Перипл Эритрейского моря, посольство из «Бактрии», т. е. Кушанского царства, в римское время). Китайские и иные источники не дают нам никаких сведений о Бактрии в доахеменидское или хотя бы ахеменидское время.

Авторы, писавшие историю Александра на основании сообщений придворных летописцев самого македонского царя, в основном Квинт Курций Руф (I в. н. э.) и Арриан (II в. н. э.), дают нам довольно интересную картину состояния Бактрии в конце ахеменидского владычества. Эти сведения позволяют составить некоторое представление о древнейших этапах развития общества в Бактрии.

Так, Квинт Курций пишет: «Природа Бактрии разнообразна; там виноградная лоза приносит крупные и сладкие плоды; обильные воды орошают жирную почву; наиболее плодородная земля обрабатывается под хлебные посевы, другая обращена в пастбище крупного скота, но большая часть земли — бесплодная равнина»³.

Арриан и Квинт Курций упоминают укрепленные места согдийцев и хорезмийцев, причем всегда говорят об их обширных размерах⁴.

Те же авторы, а с ними и другие, — такие, как Плутарх, Страбон и т. д., рассказывают о существовании у бактрийцев и их соседей знати. Представители бактрийской знати служили у Ахеменидов. Представители согдийской и бактрийской знати возглавили борьбу этих народов против Александра. Существовали в это время в Бактрии и других областях Средней Азии большие города, возникшие, как видно, задолго до прихода туда греков и македонцев Александра — Бактры, Мараканда, Кирополь и многие другие. Таким образом, к IV в. до н. э. в Бактрии было уже довольно развитое классовое общество, имелось земледелие, основанное на искусственном орошении⁵, скотоводство, существовали большие, хорошо укрепленные города. Когда все это возникло? Какой характер имела культура бактрийцев на раннем этапе развития классового общества? На эти вопросы мы до последнего времени ответа не имели, если не считать довольно неясных данных Авесты.

Теперь все расширяющиеся археологические работы в Средней Азии помогут нам осветить этот вопрос с другой стороны и получить серьезные добавления к данным письменных источников.

¹ Вендидад, II, 33 и след.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 81—82.

³ Квинт Курций, VII, 4, 26 и след.

⁴ «Скала» (Петра) Хориена (Арриан, IV, 21), «Скала» Сатибарзана (Квинт Курций, VI, 6, 25), «Скала» Сизимитра (Страбон, XI, 11, 4) «Скала» Аримаза (Квинт Курций, VII, 2, 1).

⁵ Сведения о виноградарстве в соседних с Бактрией Маргиане, Арее, а также Гиркании дают Диодор (XVII, 2, 75), Страбон (II, 2, 14; XI, 9, 2), Плиний (VI, 18). О том, что в Бактрии этого времени должно было широко применяться искусственное орошение, помимо этих косвенных свидетельств и приведенного выше указания Квинта Курция, можно еще привести сообщение Страбона о том, что там произрастает все, кроме маслины (Страбон, XI, 11, 1).

III

Таджикская археологическая экспедиция Академии Наук СССР начала работы в Южном Таджикистане, на территории древней Северной Бактрии, в 1946 г. До этого года археологические работы на территории Южного Таджикистана почти совершенно не велись. На территории Южного Узбекистана, в основном в Сурхан-Дарьинской области (район Термеза), планомерные археологические работы были начаты еще в 1926 г. экспедицией Музея восточных культур, а в 1936—1938 гг. там работала большая Термезская экспедиция под руководством М. Е. Массона¹.

В Южной Бактрии, на территории Афганистана с 1922 г. работает французская археологическая миссия, под руководством сначала Фуше, а затем Акэна и Гиршмана².

Ни одна из археологических экспедиций, работавших на территории Бактрии, до 1946 г. не изучала начало первого тысячелетия до нашей эры, и памятники этого времени были нам неизвестны. В 1946 г. два отряда Таджикской археологической экспедиции, — вахшский, под руководством А. М. Беленицкого и кафирниганский, под руководством М. М. Дьяконова, — вели разведку в бассейнах рек, давших название отрядам. В 1947 г. вахшский отряд продолжал разведки в среднем течении Вахша и Кафирнигана, а кафирниганский отряд начал стационарное изучение могильника Туп-хона, которое продолжалось в 1948 г. В 1949 г. работы на юге Таджикистана не велись, а все силы были переброшены в Пянджикент, где в 1948 г. были найдены ставшие уже знаменитыми стенные росписи³.

Работы кафирниганского отряда были возобновлены в 1950 г., когда было начато детальное изучение очень интересного в историко-культурном отношении Кобаданского оазиса⁴.

В оазисе исследовался ряд памятников, но для данной темы интересен, главным образом, один — городище Калаи Мир, работы на котором велись в 1950 и 1951 гг. Н. Н. Забелиной. Некоторые материалы по этому же вопросу дали раскопки на городище Мунчак-тепе Кобаданском⁵, проводившиеся Е. А. Мончадской в 1952 г. Все эти работы велись под общим руководством начальника кафирниганского отряда Таджикской археологической экспедиции М. М. Дьяконова.

Городище Калаи Мир расположено в самом районном центре Микоянабад (до 1936 г. — Кобадан)⁶. Оно представляет собою почти правильный квадрат (275 × 270 метров), ориентированный сторонами по странам света. Оно в настоящее время ограничено валом, достигающим пяти метров высоты. Центр городища сильно опущен; это заболоченный участок, покрытый

¹ Сборники «Культура Востока», изд. Музея восточных культур, вып. I и II, М., 1927 и 1928; Труды Термезской археологической комплексной экспедиции, тт. I и II, Ташкент, 1941 и 1945; см. также М. Е. М а с с о н. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры. Материалы Узкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1933.

² Французская археологическая миссия интересовалась, главным образом, памятниками искусства. Археологические работы, как правило, велись на низком методическом уровне. Ниже мы остановимся несколько подробнее на археологических работах миссии в Балхе в 1947 г.

³ Подробные отчеты о работах этих лет см. в т. I «Трудов Согдийско-таджикской археологической экспедиции АН СССР», МИА, № 15, 1950.

⁴ Работы в Кобаданском оазисе подробно изложены в статьях М. М. Дьяконова и Н. Н. Забелиной в т. II «Трудов ТАЭ», МИА, № 37, 1953.

⁵ Так назван в отличие от Мунчак-тепе Усрушанского, исследованного В. Ф. Гайдукевичем в 1942—1943 гг.

⁶ Подробное описание городища и археологических работ, проводившихся на нем в 1950—1951 г., см. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан). «Труды ТАЭ», т. II, МИА, № 37.

густой травой. В валу, окружающем городище, ясно заметны четверо ворот, каждые в центре соответствующей стены. Северо-восточную часть городища занимает квадратное возвышение, поднимающееся над уровнем городища на 15 метров. На этом возвышении видны следы большой застройки. Здесь была «резиденция» кобалианского бека, описание которой сохранил нам А. А. Семенов¹ и фотографию которой приводит в описании своего путешествия Бонвало².

В нескольких сотнях метров к востоку от городища проходит недавно обновленный, но очень древний магистральный канал левобережья Кафирнигана. За этим каналом в полутора километрах от городища расположено прямоугольное городище Кей-Кобад-шах, а дальше расстилается подгорная степь с курганами кочевников. В трех-четыре километрах к северо-западу от городища Калаи Мир протекает река Кафирниган, берущая начало в отрогах Гиссарского хребта к северо-востоку от Сталинабада и впадающая в Аму-Дарью на 65 км южнее районного центра Микоянбад. Кобалианский оазис исключительно богат памятниками рабовладельческой эпохи, оставленными как земледельческими, так и кочевыми племенами. Естественно возникает вопрос: когда началось земледельческое освоение больших среднеазиатских рек и создание богатых оазисов Северной Бактрии? Этот важнейший для истории Средней Азии вопрос связан теснейшим образом с другим важным вопросом: к какому времени относится создание крупных ирригационных систем, питающихся водою больших притоков Аму-Дарьи? Совершенно ясно, что жизнь такого городища, как Калаи Мир, невозможна без искусственного орошения, как, впрочем, и жизнь Кобалианского оазиса в целом.

Археологические работы на Кобалианских городищах Кей-Кобад-шах и Калаи Мир показали, что первое из них возникло в III в. до н. э. и закончило свое существование в IV—V вв. н. э., а второе было обитаемо в позднем средневековье — в XV—XVIII вв. и являлось резиденцией бека в XIX—XX вв. Под средневековыми слоями на этом городище сразу лежат слои кушанского и греко-бактрийского времени. Но в эти периоды центром района было, по видимому, городище Кей-Кобад-шах, а здесь были какие-то ремесленные производства и, быть может, пригороды местной столицы. Таким образом, в период с III в. до н. э. и по IV—V вв. н. э. оазис жил интенсивной жизнью, и основой этой жизни являлось пашенное поливное земледелие.

Письменные источники мало говорят нам об искусственном орошении в Бактрии и соседних странах. Самым ранним следует признать темный по смыслу рассказ Геродота³. Косвенным, но очень важным свидетельством являются слова Квинта Курция о том, что в Бактрии «*solum pingue crebri fontes rigant*» — «жирную землю орошают многие источники». Что под «*fontes*» Квинт Курций подразумевает искусственные каналы, видно из того, что дальше этот же автор сообщает, что «*magnam deinde partem ejusdem terrae steriles arenae tenent squalide siccitate regio non hominem non frugem alit*» — «большую же часть этой земли занимают бесплодные пески; из-за безводности унылая область не может ни прокормить человека, ни вырастить плодов»⁴. Картина эта относится к IV в. до н. э. и хорошо определяет характер бактрийского пейзажа: невысокие голые

¹ А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана. Исторический вестник, 1901, т. LXXXVIII, № 4.

² G. Bonvalot. Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Paris, 1889, рисунок на стр. 199.

³ Геродот, III, 113.

⁴ Квинт Курций, VII, 4.

горы, бесплодные лессовые подгорные степи и пышная растительность в оазисах, орошенных каналами, берущими воду из рек.

Когда же началась жизнь этих оазисов? Быть может, возможность решить этот вопрос даст материал из нижнего слоя городища Калаи Мир.

Если, как было сказано выше, на городище Кей-Кобад-шах жизнь началась в III в. до н. э., т. е. город был основан во времена греко-бактрийского царства, то поселение на городище Калаи Мир возникло ранее. Под слоем III в. до н. э., датированным монетой Евкратиды и хорошо известной нам керамикой, был раскрыт жилой комплекс более раннего времени. Его краткое описание и будет дано сейчас, так как, по видимому,

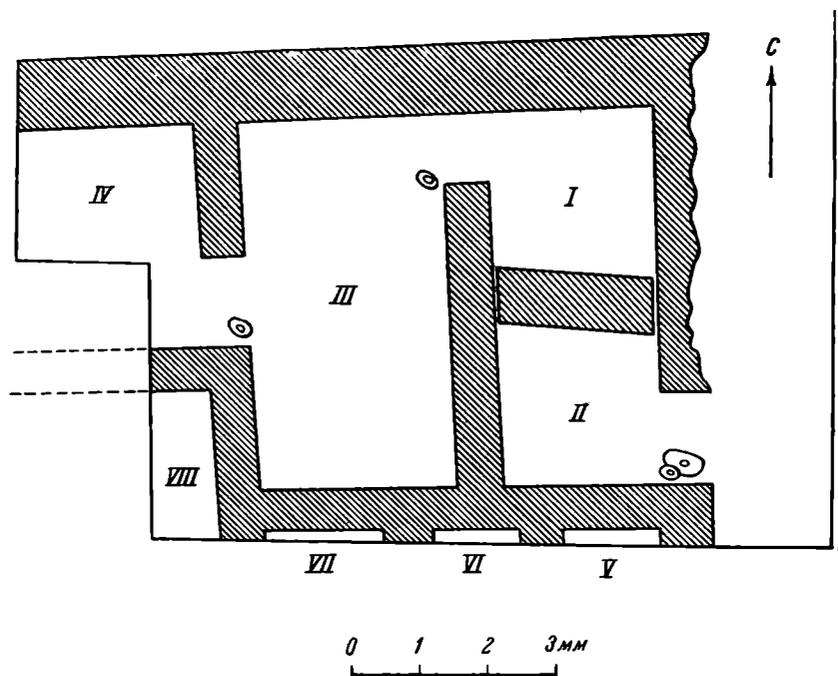

Рис. 1. План жилого комплекса этапа Кобадиян I на городище Калаи Мир. Раскопки Н. Н. Забелиной.

открытие этого памятника Н. Н. Забелиной будет иметь существенное значение для изучения древнейшей истории Бактрии, да и других областей Средней Азии.

В 1950—1951 гг. группой сотрудников кафирниганского отряда ТАЭ, под руководством Н. Н. Забелиной, в древнейшем культурном слое городища Калаи Мир, названном нами древнебактрийским или Кобадиян I и лежащем уже на материковом лессе, была вскрыта на площади 96 кв. метров часть большого жилого комплекса, сильно разрушенного временем и последующей деятельностью человека.

Всего полностью или частично было вскрыто восемь помещений (рис. 1). Все помещения очень узкие, от полутора до трех метров шириной. Длина помещений, вскрытых полностью, достигает 5,5 метра. Здание было выстроено из хорошо выработанного квадратного сырцового кирпича, размер стороны которого — от 34 до 36 сантиметров. Толщина кирпича равняется одной трети стороны (11—12 сантиметров). Одним словом, — это широко известный на территории Северной Бактрии «античный» кирпич, распространенный в этой области с древнейших времен до раннего средневековья (VI—VII вв.), когда он сменяется продолговатым кирпичом с отношением измерений 4 : 2 1, размером 50×25×12,5; 48×24×12

сантиметров (верхние слои Мунчак-тепе, Безименная группа развалин около Шаартуза и пр.; в Согде из такого кирпича построен весь ранне-средневековый Пянджикент).

Внешняя стена здания (северная) была выложена в три кирпича (1,3—1,4 метра), стены между помещениями — в два кирпича (0,65—0,75 метра). В дверных проемах были обнаружены камни-подпятники, что помогло разобраться в планировке здания. В помещении II были даже обнаружены два камня-подпятника, один на другом.

Вопрос о перекрытиях этого здания остается пока нерешенным. Помещения были слишком разрушены, чтобы можно было проследить остатки

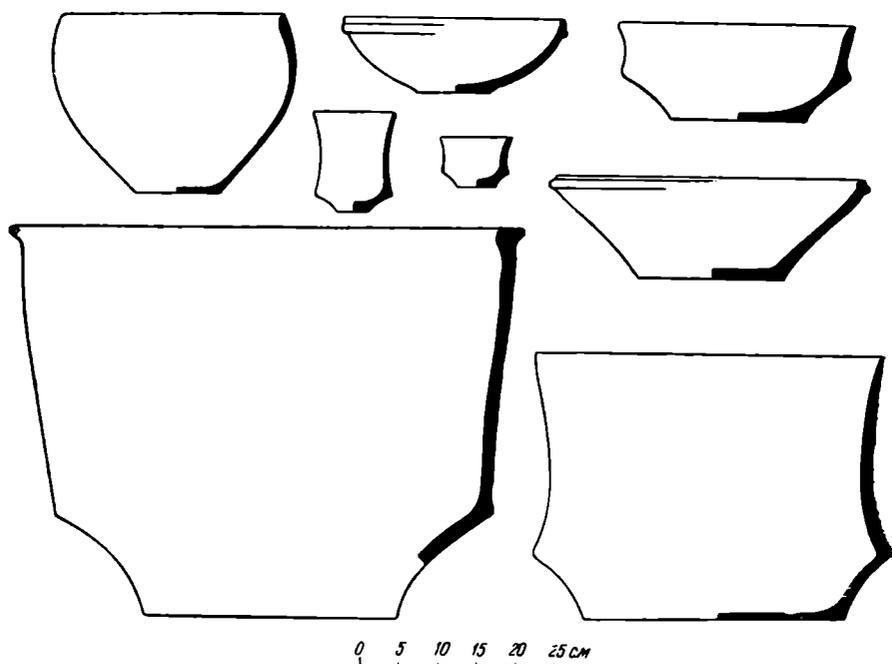

Рис. 2. Керамика из жилого комплекса этапа Кобадиян I на городище Калаи Мир.

рухнувшей кровли. Здание, судя по небольшой толщине стен, было одноэтажным и имело, скорее всего, легкие плоские перекрытия, состоявшие из деревянных жердей и камыша.

Первоначальные полы помещений находились примерно на одном уровне, за исключением помещения IV, пол которого был на 0,35 м ниже.

В 1950 г. мы наткнулись прежде всего на помещение III, которое оказалось наиболее насыщенным находками. Толщина культурного слоя на полу этой комнаты достигала 0,25 метра. На всем полу были остатки очагов, но больше всего их было у восточной стены, где лежал толстый слой золы и даже нижняя часть стены была обожжена докрасна.

В этой комнате было обнаружено большое количество своеобразных сосудов, сохранившихся полностью и только раздавленных массой земли. Это заставляет думать о катастрофической гибели помещения. Посуда, найденная в этом помещении, чрезвычайно характерна (рис. 2). Большая часть (до 90%) посуды сделана на гончарном круге быстрого вращения. Черепок — яркокрасный в изломе. Снаружи сосуды покрыты беловатым или светложелтым ангобом. Ведущей формой является сосуд цилиндрико-конической формы с чуть вогнутыми стенками, плоским дном и характерным перегибом в нижней трети тулова. Такие сосуды бывают разных

размеров: от метровых корчаг и до маленького сосуда в 10—15 сантиметров высоты. Эта форма посуды широко распространена и характерна для данного периода, но уже к III в. до н. э. она полностью исчезает. Имеется большое количество сосудов, сделанных также на гончарном круге, но другой формы: открытые конические блюда, горшки, чаши и пр. Наряду с такой посудой изредка встречается лепная «кухонная посуда» с большим количеством дресвы в тесте.

В этом же помещении были найдены небольшие зернотерки (длина 30—35 сантиметров; рис. 3), а также крупная железная игла (рис. 4). Здесь же было много костей крупного и мелкого рогатого скота, а также зубы верблюда.

В помещении IV характер находок был иным. Кроме фрагментов цилиндрико-конических «банок», там были обломки плоских небольших чаш с прямыми коническими стенками, окрашенные изнутри красным ангобом, а снаружи — белым. Там же были найдены три бронзовых наконечника стрел (см. рис. 4); один, сильно разрушенный (вероятно, трехгранный втульчатый), был найден в завале, над полом, на полу же обнаружены два наконечника — один листовидный втульчатый и один большой ромбический, втульчатый. Обращают на себя внимание найденные здесь многочисленные кружки, вырезанные из обломков керамики. Назначение этих кружков неясно. Может быть, это шашки для какой-то игры?

В помещении I было немного находок: обломки керамики «баночного» типа и кусок железного ножа. Это помещение составляло некогда одно целое с помещением II, от которого оно затем было отделено пристроенной стеной. Стена эта — явно более позднего происхождения и расположена вкривь по отношению к другим стенам помещения.

Создается впечатление, что помещение II жило дольше остальных комнат комплекса. Культурные напластования на полу этой комнаты достигают 0,4 метра. Среди находок, сделанных в комнате, имелась и керамика тонкостенная, дающая переходные формы к керамике греко-бактрийского периода. Здесь же найдено грузило от ткацкого станка, в виде чечевицеобразного диска из необожженной глины, диаметром 7—8 см (рис. 4).

Как же следует датировать этот жилой комплекс и к какому обществу принадлежали обитатели этого дома?

Рассмотрим подробнее находки из этого комплекса. Они сделаны в помещениях, в большинстве случаев — на ясно выраженных земляных полах, многие, несомненно, в первичном залегании. Все это повышает их ценность как документов.

Обратимся прежде всего к керамике. Как уже упоминалось выше, подобная керамика нам известна. Она была найдена Б. Б. Пиотровским в нижнем слое городища Гяур-кала, древнего Мерва, А. И. Тереножкиным — на Афрасиабе, городище древнего Самарканда. Сходная керамика обнаружена была Р. Гиршманом при раскопках городища Нади Али в афганском Сеистане¹. Приведем краткое, но выразительное описание этой керамики, данное Б. Б. Пиотровским²: «Основной формой рассматриваемой керамики была кружка без ручки с резким перегибом в нижней части, что даже по внешнему виду сближает эти сосуды с хорошо нам известными

¹ Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, стр. 35—41; см. также R. Pumphelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Washington, 1908, т. I, стр. 145; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 152—169, особенно рис. 69 и 70, 3 и 4; R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. RAA, XIII, 1939, стр. 10—22.

² Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 40.

скифскими горного и Северного Кавказа... Другая характерная форма сосудов этого времени — сосуды с сильно придавленным венчиком и резким перегибом в нижней части... Встречаются также и небольшие плоские чаши. Вся керамика имеет светложелтую поверхность и яркокрасный излом черепка». Создается впечатление, что Б. Б. Пиотровский описывает

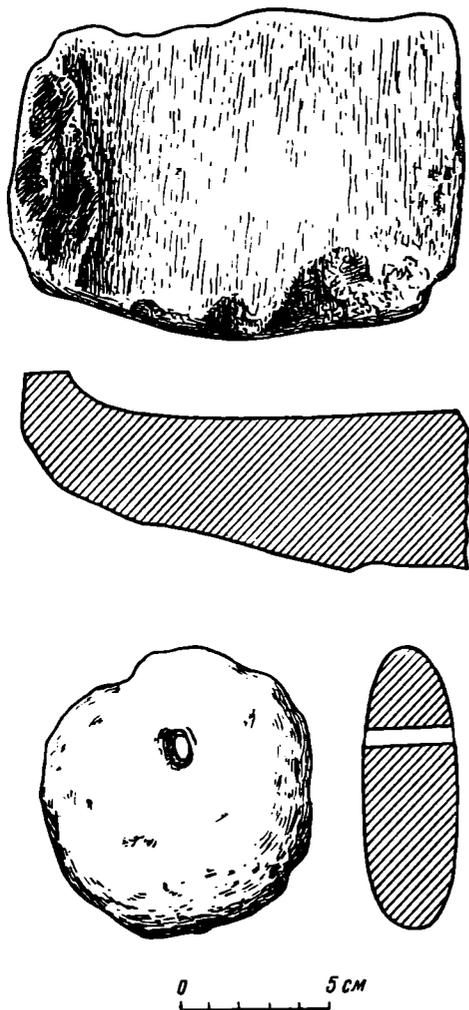

Рис. 3. Каменная зернотерка и глиняное грузило от ткацкого станка из жилого комплекса этапа Кобадиян I на городище Калаи Мир.

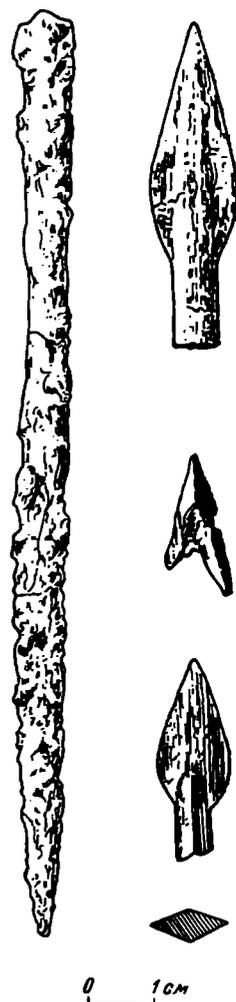

Рис. 4. Металлические изделия из жилого комплекса этапа Кобадиян I на городище Калаи Мир.

керамику из слоя Кобадиян I! Б. Б. Пиотровский датирует открытый им нижний культурный слой Гяур-калы второй четвертью первого тысячелетия до нашей эры. С этим слоем, несомненно, связан и бронзовый наконечник стрелы, найденный Б. Б. Пиотровским в старой траншее В. А. Жуковского и датируемый VII—VI вв. до н. э.¹

А. И. Тереножкин так описывает находки, относящиеся к этапу Афрасиаб I, являющемуся древнейшим в Самарканде²: «...Они распространяются на всей площади городища Афрасиаб и, являясь самыми древними (как

¹ Там же, стр. 36, рис. 1.

² А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 155.

это пока удалось выяснить), подстилают все другие культурные наслоения. Слои Афрасиаб I состоят из остатков жилых построек, сложенных из сырца и глины, и зольников с большим количеством обломков глиняной посуды ремесленного производства (основная масса) и кухонных котлов домашней работы.

Посуда ремесленного производства готовилась на круге и без круга (хумы), покрывалась беловатым ангобом и обжигалась в гончарных печах до бледнокрасного цвета. Сосуды представлены цилиндрическими и коническо-цилиндрическими формами и мисочками; в общем формы сосудов слабо дифференцированы, тяжеловесны и указывают на недавнее введение гончарного колеса».

Описание это показывает, что этот материал также почти идентичен с найденным на городище Калаи Мир в слое Кубадан I. Датируется этот материал А. И. Тереножкиным VI—IV вв. до н. э.

Здесь необходимо привести еще очень важный материал из раскопок Д. Шламберже на городище древнего Балха (Бактр).

Раскопки древнего Балха были начаты А. Фуше еще в 1923 г. Но, поставленные совершенно неправильно методически, они ничего не дали. Фуше не смог разобраться в найденных им кладках и фрагментах посуды и, подталкиваемый к этому своими антинаучными, расистскими воззрениями, объявил, что древние Бактры никогда не были городом, а в лучшем случае являлись рефугиумом, местом убежища для окрестного полукочевого населения¹.

Работы были оставлены и возобновились лишь в 1947 г., когда тенерешний руководитель французской археологической миссии в Афганистане Даниель Шламберже снова пытался исследовать древние Бактры.

Раскопки показали, что и Шламберже был не подготовлен к решению этой задачи. Он, судя по опубликованной им статье², совершенно не осведомлен в советской археологической литературе. А как известно, советская археология в Средней Азии сделала исключительные успехи, и вопросы классификации и датировки керамики у нас хорошо разработаны.

Начиная столь ответственные археологические работы, как раскопки Бактр, Шламберже даже не ознакомился с районом, не провел пробных стратиграфических раскопок на окрестных небольших тепе, не использовал даже опыт своего предшественника по руководству французской археологической миссией Р. Гиршмана, копавшего в Беграме³. Примененный им совершенно не научный метод зондажа колодцами, размером 1,5 × 1,5 метра, окончательно запутал раскопщика. В столь тесных колодцах, достигавших порою 23-метровой глубины, нельзя было, конечно, разобратся в стратиграфии, строительные комплексы безжалостно прорезались, не было никакой возможности определить, находятся ли данные предметы в первичном или во вторичном залегании⁴.

Немудрено, что при таком «методе» раскопок Д. Шламберже ни в чем не мог разобраться, и дальнейших публикаций по раскопкам Бактр не появлялось. Однако все фрагменты, опубликованные им в упомянутой статье и расположенные на таблицах в хаотическом беспорядке, могут быть определены и приблизительно датированы даже по рисункам и фотографиям. Наиболее древними из всех, опубликованных Д. Шламберже фраг-

¹ A. Foucher. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. Paris, 1942, стр. 55—121.

² D. Schlumberger. La prospection archéologique de Bactres (printemps 1947) Rapport sommaire, Syria, XXVI, 1949, стр. 173 и след.

³ R. Ghirshman. Bégram, recherches archéologiques et historiques sur les kouchans. MDAFA, t. XII, Le Caire, 1946.

⁴ Д. Шламберже. Ук. соч., стр. 176—177.

ментов керамики, являются сосуды, изображенные на рис 6¹. Они, несомненно, относятся к тому же времени, что и материалы Б. Б. Пиотровского и А. И. Тереножкина (Гяур-кала I и Афрасиаб I). Мы еще вернемся к этой керамике, которую условно будем называть Бактры I (рис. 5).

Таким образом, керамика из древнебактрийского комплекса городища Кобадиян I (Кобадиян I) весьма близка к керамике нижних слоев Гяур-калы и Афрасиаба, а также находит себе параллели в древнейшей керамике Балха и в керамике Нади Али в Афганском Сеистане. Керамика Гяур-кала I датирована Б. Б. Пиотровским второй четвертью первого тысячелетия до нашей эры (VIII—V вв.). Афрасиаб I датирован А. И. Тереножкиным VI—IV вв. до н. э. Следовательно, керамика Кобадиян I должна относиться к тому же времени (рис. 6).

Дополнительные данные для датировки дают наконечники стрел, обнаруженные в помещении IV. Трехгранный втульчатый наконечник сильно разрушен, но листовидный дает ближайшую аналогию наконечнику, найденному Б. Б. Пиотровским в старой траншее В. А. Жуковского и датированному VII—VI вв. до н. э. Весьма архаичен и ромбический наконечник, который следует отнести к VII в. Можно с уверенностью сказать, что основной комплекс вещей Кобадиян I, равно как и возведение здания, относится именно к этому времени (VII—VI вв.). Возможно, что верхние наслоения в завалах комнат II, особенно, в помещении II относятся к более позднему времени (V—IV вв.?).

Рассмотрим теперь общий облик культуры людей, некогда населявших этот дом.

Дом стоял в поселении оседлых земледельцев, возделывавших землю, орошенную искусственными каналами. Это следует из того, что мы имеем здесь дело с явным оседло-земледельческим хозяйством, а земледелие в данном пункте возможно только при условии искусственного орошения. Вероятно, канал, и сейчас проходящий у стен городища, был проведен еще в те отдаленные времена.

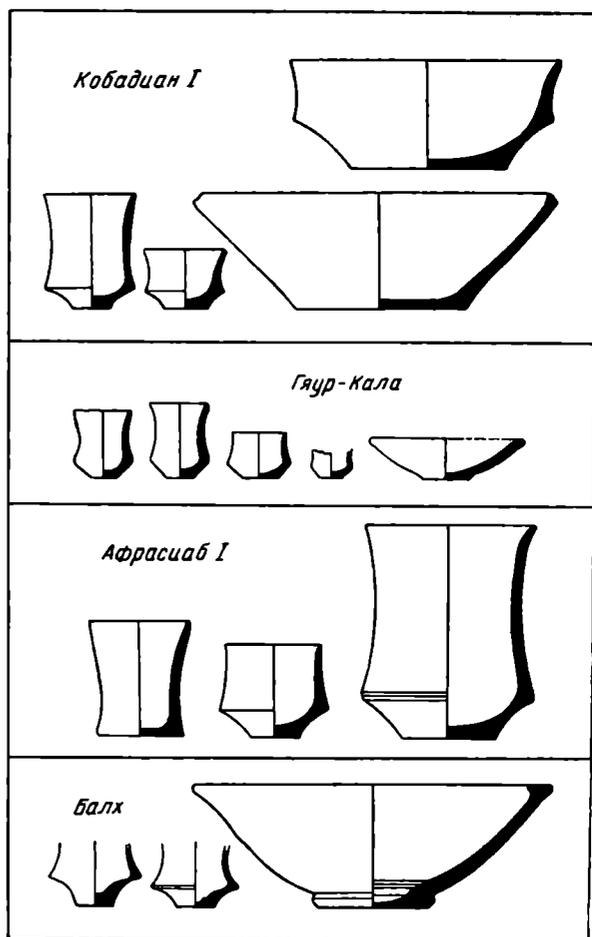

Рис. 5. Сравнительная таблица керамики второй четверти I тысячелетия до н. э. из различных пунктов юга Средней Азии

¹ Д. Ш л а м б е р ж е. Ук. соч., стр. 180. Быть может, к этому же этапу относятся и сосуд, изображенный на рис. 7.

Из сельскохозяйственных орудий мы можем указать лишь на зернотерки, но среди находок этапа Афрасиаб I, чрезвычайно, как мы видим, близкого к Кобадан I, имеется железный серп¹. Железо встречено и нами в таких поделках, как большая игла с ушком и нож.

Состав домашних животных древних бактрийцев не может быть определен с достаточной точностью. Мы можем лишь с уверенностью говорить о наличии в стаде крупного и мелкого рогатого скота и верблюда. Кости лошади и собаки не обнаружены.

Это общество знало уже второе разделение труда², о чем свидетельствует наличие гончарной посуды, сделанной на круге быстрого вращения и очень хорошо выделанной. Ремесло, повидимому, заняло уже в обществе прочные позиции: выделанной на гончарном круге посуды очень много, она составляет подавляющее большинство домашней утвари. О развитии ткачества говорят находки чечевичеобразных грузил от ткацкого станка. Было ли ткацкое производство только домашним, или уже и ремесленным, — сказать пока невозможно. Железные и бронзовые изделия говорят о развитом кузнечном деле.

Остатки дома позволяют нам составить себе некоторое представление о строительной технике. Дом построен хорошо, кирпич добротной выделки, кладка правильная. В этот период, как видно, закладывались те строительные традиции, которые прожили затем до раннего средневековья. К сожалению, не удалось вскрыть этого жилища целиком. Большая его часть безнадежно разрушена. Повидимому, помещение III было в основном предназначено для приготовления пищи. Там было найдено, как это уже указывалось, больше всего посуды, среди нее — некоторое количество «кухонной». Там же было обнаружено много золы от очагов и костей крупного и мелкого рогатого скота. Помещение IV носило совсем иной характер. Там не было очагов, там были найдены предметы вооружения и странные кружки, вырезанные из черепков от гончарной посуды.

Во всяком случае дом был большим и многокомнатным. Мы вскрыли лишь небольшую его часть (только одна внешняя стена) и то уже открыли, частично или полностью, восемь помещений. В таком доме могла жить большая патриархальная семья.

Что это время — VII—IV вв. до н. э. — действительно было временем создания ирригационного земледелия в долине Кафирнигана, следует из всей совокупности данных, полученных при археологических работах 1950—1952 гг. в южной части этой долины, и из параллельного материала других районов Средней Азии. Все городища и тепе этого района начали свою жизнь либо позднее этого времени (Кей-Кобад-шах), либо в это время (Калаи Мир, Мунчак-тепе).

Можно ли назвать это общество классовым? Оно не знает чеканенной монеты, но это далеко не обязательный признак. Как известно, ранне-рабовладельческие общества Месопотамии не знали денег в монетной форме. Однако то варное производство в этом обществе уже, несомненно, есть (многочисленная ремесленная керамика). До сих пор еще не найдено памятников письменности, относящихся к этому обществу, но исследование этого общества только еще началось, и потому отсутствие памятников письменности не может быть решающим моментом. Несомненно наличие развитой ирригационной системы, созданной уже железными орудиями³, и поливного земледелия.

¹ А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, 2.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, 1947, стр. 139.

³ Судя по всему, железо было уже широко распространено в рассматриваемый период.

Очень важным моментом, выводящим нас за пределы маленького района нижнего течения Кафирнигана, является подмеченный нами факт, что три крупнейших города, три знаменитейших культурных центра Средней Азии — Самарканд — Мараканда, Мерв — Марга и Балх — Бактры — возникают как города именно в то время.

Мне кажется, заслуга А. И. Тереножкина, установившего, что слои этапа Афрасиаб I «распространяются на всей площади городища Афрасиаба и, являясь самыми древними, ...подстилают все другие культурные наслоения»¹, исключительно велика. Однако вряд ли можно с ним согласиться, когда он говорит, что Самарканд сложился «как огромный город,

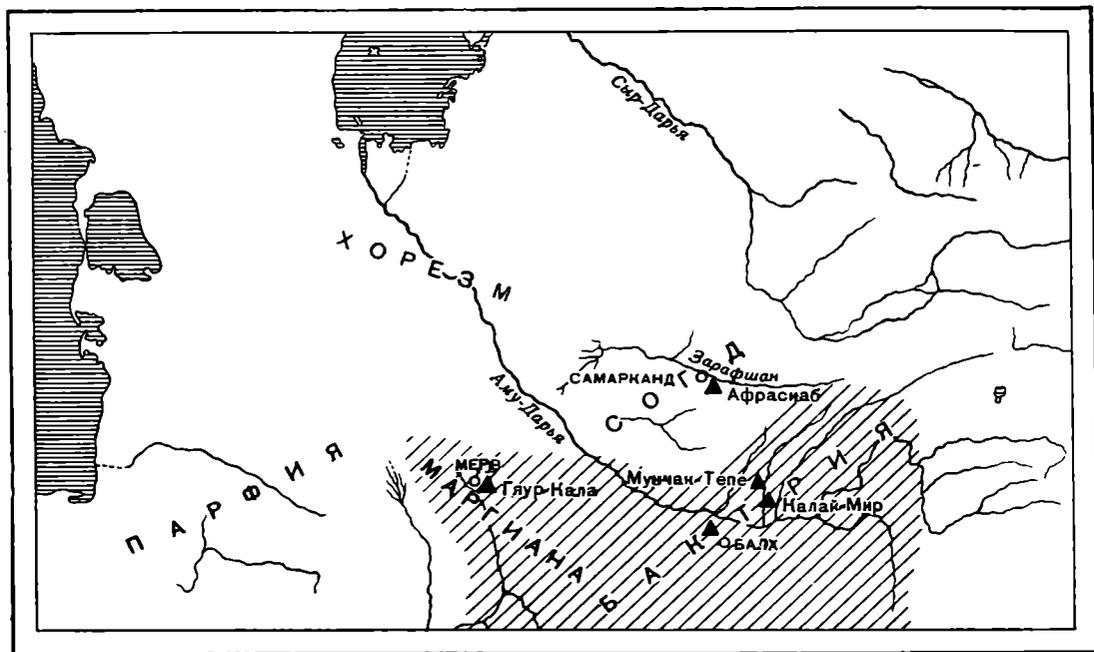

Рис. 6. Карта находок памятников второй четверти I тысячелетия до н. э. на территории южной Средней Азии

повидимому, в результате закономерной трансформации обширнейшего родового поселения той более древней стадии, которую здесь еще не удалось выявить археологическим путем». Это гипотетическое поселение вряд ли удастся когда-либо «выявить археологическим путем». Его просто не было. И, конечно, неправ А. И. Тереножкин, когда, вслед за С. П. Толстовым, хочет вывести древний среднеазиатский город из «городища с жилыми стенами», древней «вары». Если даже существование «городищ с жилыми стенами» и будет подтверждено археологическими раскопками, то города рабовладельческой поры из них никак не получится.

М. Е. Массон, рассматривающий раннюю историю Самарканда совсем с иных позиций, чем А. И. Тереножкин, признает глубокую древность города, хотя и не затрагивает вопроса о его создании. «Во всяком случае, — пишет М. Е. Массон, — для 328 года запечатлен конец одного из древнейших этапов в жизни Самарканда, безусловно существовавшего в эпоху Ахеменидов в виде крупного городского поселения»².

¹ А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 155.

² М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 158.

Б. Б. Пиотровский своими работами на Гяур-кале — городище древнего Мерва — с полной ясностью доказал, что «...наиболее ранним для Старого Мерва слоем являлся слой, соответствующий верхнему слою южного кургана в Анау (Анау IV), который следует датировать второй четвертью I тысячелетия до н. э.»¹

Этот вывод Б. Б. Пиотровского полностью признал и М. Е. Массон, сообщивший нам также одно чрезвычайно важное наблюдение, которое имеет решающее значение при определении древности города. Говоря о плане городища, М. Е. Массон указывает на наличие скоса стены в северо-западном углу городища: «Наличие скоса, равно как и неправильность линии стены западного фаса Гяур-калы объясняется тем, что снаружи к моменту ее возведения уже протекал один из крупных каналов Мерва — Разик»². Если даже считать, что стена города была воздвигнута Александром или Селевкидами (конец IV в. — начало III в. до н. э.), то и тогда канал Разик должен уже относиться к середине первого тысячелетия до н. э. Однако есть все основания предполагать, что македонцы лишь воспользовались уже существовавшим поселением. Что же касается цитадели Гяур-калы—Эрк-калы, то существование там укрепленного поселения в первой половине первого тысячелетия доказано археологически.

В свете новых данных по исторической топографии Самарканд и Мерва и раскопок в Кобадиянском оазисе совсем в ином свете предстает перед нами и ранний этап жизни третьего крупнейшего городского центра Средней Азии — Балха³. Несмотря на всю недостаточность сведений, представленных нам отчетом Д. Шламберже, можно с полным основанием предположить, что и древние Бактры возникли в тот же период, что и Самарканд и Мерв, т. е. в первой половине первого тысячелетия до нашей эры, в то время, когда в бассейнах больших притоков Аму-Дарьи создавались крупные ирригационные системы и слагались первоначальные антагонистические классовые отношения.

Историки Александра рисуют нам для последних десятилетий IV в. до н. э., т. е. для конца рассматриваемого нами периода, общество Бактрии, как классовое. Материальная культура VII—VI вв. до н. э., вскрытая археологическими раскопками в Мерве, Самарканде, Балхе, Кобадияне, позволяет нам составить себе некоторое представление об обществе, находящемся на грани образования в нем антагонистических классов. В период с VII в. по IV в. до н. э. создаются и начинают развиваться земледельческие оазисы в бассейнах больших среднеазиатских рек. Это явилось предпосылкой для сложения там классового общества. Начало этого процесса мы и попытались продемонстрировать на рассмотренном нами археологическом материале.

Раз в земледельческом обществе в оазисах Средней Азии уже развивались классовые противоречия, раз в этом обществе существовало уже товарное производство, начатки городской жизни с ремеслом, а следовательно, и торговлей, — то мы вправе ожидать найти там и ранние формы государственности. Однако данных об этом у нас недостаточно. Думается, что крупных государственных объединений тогда в Средней Азии еще не было, границы первоначальных государств, вероятно, совпадали с границами ирригационных систем и орошенных ими земель.

¹ Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 41.

² М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 92.

³ Д. Шламберже. Ук. соч., рис. 6.

В заключение вернемся к данным одного из письменных источников, упомянутого в самом начале настоящей работы, а именно Авесты.

Выше мы говорили, как трудно пользоваться данными Авесты из-за неразработанности критики текста этого сочинения и отсутствия точных данных о времени создания как памятника в целом, так и отдельных его частей. Сейчас было бы полезно сравнить данные Авесты с данными археологии и попытаться, таким образом, уточнить некоторые сведения этого исключительно ценного, но очень трудного источника. Быть может, пользование им в дальнейшем будет облегчено именно благодаря тому свету, который прольют на раннюю историю народов Средней Азии раскопки советских археологов.

Известно, что древнейшие части Авесты — метрические Гаты, занимающие значительную часть богослужебной книги — Ясны (главы 28—56), а также прозаическая Ясна Семи Глав и некоторые другие фрагменты, относились исследователями к самым различным периодам, однако наиболее вероятным временем создания Гат считались VIII—VII вв. до н. э., и лишь теми, кто считал Заратустру историческим лицом и современником Дария, Гаты, естественно, относились к концу VI в. до н. э. Однако, как указывалось выше, никем не опровергнута и та точка зрения, которая относит древнейшие части Авесты ко второму тысячелетию. Не буду здесь останавливаться на крайне тенденциозной точке зрения Дарместетера, который относит Гаты и Авесту в целом к еще более позднему времени.

Ценные сведения по общественной жизни древних среднеазиатских племен¹ дают, в основном, не Гаты и другие литургические тексты, а Вендидад = Видэвдат, который в том виде, как он до нас дошел, написан значительно позднее Гат. Ценные сведения, иногда в виде вскользь брошенных намеков, имеются и в таких текстах, как Яшты; особенно нам важны древнейшие Яшты — 10, 13, 19.

В свое время В. Гейгер сделал попытку собрать воедино все сведения об общественной жизни, быте, религии и нравах древних среднеазиатских племен по данным Авесты. Сейчас его книга уже устарела, и нам ясно виден его во многом тенденциозный, модернизаторский подход к материалу. Однако собранный Гейгером материал, почерпнутый из разных частей Авесты, дает нам удивительно однородную картину общества. Лишь некоторые моменты в «младшей Авесте» могут считаться возникшими в более позднее время. Это означает, что те части Авесты, которые дошли до нас в более позднем изводе («младшая Авеста»), все же повторяют какие-то старые, утраченные традицией части и рисуют нам состояние общества не к моменту составления извода, а к моменту первоначального сложения того или иного гимна, сказания или установления.

Каковы же основные особенности общества, рисуемого нам Авестой, по сравнению с древнебактрийским обществом, как оно выявляется раскопками в Кубадианском оазисе?

Общество это знает пастушеское скотоводство и земледелие, но пастушество, особенно в Гатах, играет более важную роль в жизни этих племен, чем земледелие. Искусственное орошение известно, однако все упоминаемые оросительные каналы находятся в Видэвдате и поэтому, вероятно, должны быть отнесены к более позднему времени². По языку они также относятся к «младшей Авесте».

¹ Я считаю доказанным среднеазиатское происхождение Авесты. См. работы советских ученых В. В. Струве, С. П. Толстова и других.

² Оросительный канал в «младшей Авесте» называется *vaidi-*, ср. ваханское и сарыкольское *vād*, шугнанское *vēd*. Известное в «младшей Авесте» слово *uīdi-*, вероятно,

Некоторые орудия труда, связанные с земледелием, упоминаются, но снова в Видэвдате¹.

Авеста почти не знает ремесла. Гейгер, подходивший к материалу предвзято, со стремлением модернизировать общественную жизнь племен, рисуемую Авестой, все же не мог найти никаких положительных данных о существовании в этом обществе ремесла, отделившегося от земледелия².

Гончарные печи упоминаются в Видэвдате (8,84—85), но о круге нигде нет речи. Ткачество упомянуто лишь вскользь.

Очень существенным является отсутствие, по существу, упоминания в Авесте железа и железных орудий, на что обратил внимание еще Гейгер³. Существующие в языке «младшей Авесты» слова *ayah-*, *ayah-*, *ayahāēna-*, переводимые, как «железо», «железный», могут обозначать бронзу⁴. Гейгер напоминает, что в ведийском слово *ayas* означает не железо, а бронзу⁵. Гейгером же подмечено, что все эпитеты, прилагаемые в Авесте к оружию, скорее должны относиться к меди и бронзе, чем к железу⁶. Так, в древних Яштах, особенно в десятом (Михр-Яшт), встречаются такие эпитеты, как «желтый» (*zairi-*), «золотой» (*zaranaēna-*)⁷.

Уже из приведенного перечня ясно, что древнебактрийское общество, о котором мы узнаем благодаря раскопкам в Кобадрианском оазисе, было значительно более развитым, чем рисуемое нам Авестой, во всяком случае ее древнейшими частями⁸. Древнебактрийское общество уже знает развитое ремесло, широко пользуется железом для изготовления орудий. Наличие в это время поселений городского типа, вроде Мерва, Балха и Самарканда, также свидетельствует о том, что данные Авесты должны относиться к более раннему времени. Таким образом, археологические материалы, как кажется, указывают нам, скорее всего, на то, что общество, рисуемое Авестой, — а следовательно, и ее древнейшие части, — должно относиться ко времени не позднее начала первого тысячелетия до н. э.

Изложенные мною соображения во многом еще являются гипотетическими. Исследование земледельческих культур Средней Азии в первой половине первого тысячелетия до нашей эры только началось. Однако уже сама постановка затронутых в этой статье вопросов будет способствовать развитию целеустремленных работ в области изучения раннеклассового общества Средней Азии.

обозначает естественный поток (см. Видэвдат, 5,5; 6,2; 13,38; 12 и др.). Древнеперсидский язык ахеменидских надписей также имеет слово для обозначения оросительного канала — *yauviyā-*.

¹ Видэвдат, 3,32; 17,3 и др.

² W. Geiger. Ук. соч., стр. 388.

³ Там же, стр. 147—148.

⁴ Недаром осторожный Бартоломэ склонен переводить эти слова, как «металл, металлический». См. Altiranisches Wörterbuch, s. v.

⁵ W. Geiger. Ук. соч., стр. 148. В санскрите есть прилагательное *āyasa-* со значением «железный, бронзовый». См. C. Carpellier. Sanskrit-Wörterbuch, Strassburg, 1887, стр. 45.

⁶ W. Geiger. Ук. соч., стр. 148.

⁷ Яшт 10,96 и 10,132.

⁸ Это же относится и к обществу древнемаргианскому и древнесогдийскому.